

Научная статья
УДК 008:[902.2:355]
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.25>

Находки поисковых отрядов как часть культурного наследия

Александр Владимирович Пянкевич

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия,
pyankevich.alexander@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1730-0822>

Аннотация. В статье рассмотрены культурные особенности предметов, обнаруживаемых поисковыми отрядами на полях сражений Великой Отечественной войны. Информационный потенциал этих артефактов проанализирован с точки зрения взглядов философов, историков, культурологов и музееведов. Прослежен процесс трансформации вещей, брошенных на поле боя, из военного мусора в предметы музейного значения. Находки поисковиков оцениваются через призму понятий «культурное наследие» и «военно-историческое наследие». Границы этих категорий и их применение к реликвиям Великой Отечественной войны изучаются на основе взглядов российских и зарубежных ученых. Предметы, найденные на местах сражений, исследуются с позиции развивающейся вспомогательной исторической науки – военной археологии индустриальной эпохи. Автором предложено определение понятия «предмет военной археологии Великой Отечественной войны». Раскрыта значимость обнаруживаемых артефактов, показана важность каждой находки времен войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, военная археология, культурное наследие, военно-историческое наследие, предметы музейного значения, вещь в культуре, история повседневности, общественные поисковые организации, поисковое движение, поисковые отряды

Для цитирования: Пянкевич А.В. Находки поисковых отрядов как часть культурного наследия // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 144–153. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.25>

Original article

Great Patriotic war archeology artifacts as part of cultural heritage

Alexander V. Pyankevich

Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, Saint Petersburg, Russia,
pyankevich.alexander@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1730-0822>

Abstract. The paper examines the cultural characteristics of objects discovered by search parties on the Great Patriotic War battlefields. The informative capacity of these artefacts has been analyzed from the viewpoint of philosophers, historians, cultural historians and museologists. The transformation process of things abandoned on a battlefield from military debris into objects of museum value was traced. The finds of the searchers are evaluated through the prism of “cultural heritage” and “military-historical heritage”. The boundaries of these concepts and their application to relics of the Great Patriotic War were analyzed on the basis of the views of Russian and scholars abroad. Objects found at battlefields are investigated from the perspective of the emerging auxiliary historical science of industrial-age military archaeology. A definition of “The subject of military archaeology of the Great Patriotic War” has been proffered by the author. The significance of the artefacts exposed is revealed, showing the importance of each war-time finds.

Keywords: Great Patriotic War, Second World War, military archaeology, cultural heritage, military-historical heritage, objects of museum value, cultural objects, history of everyday life, public search organizations, , search movement, search parties

For citation: Pyankevich A.V. Great Patriotic war archeology artifacts as part of cultural heritage // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 144–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.25>

Великая Отечественная война – один из ключевых этапов истории XX в. Масштабы этого события сложно переоценить, оно коснулось каждой семьи в нашей стране. Постепенно война все дальше уходит в историю. Время неумолимо – уходят и ее участники. Современная молодежь имеет немного возможностей личного общения с ветеранами полей сражений, а вскоре потеряет их вовсе. Основными источниками формирования памяти о военных событиях становятся школьные учебники, художественные произведения кино и литературы, а также средства массовой информации [1, с. 149]. По мнению Н.В. Проказиной, «от того, что и как транслируется, что выступает доминантами в системе передаваемых информационных, аксиологических и эмоциональных элементов, во многом зависит содержание исторической памяти о Великой Отечественной войне» [2, с. 203]. В этой ситуации все большее значение приобретают материальные

свидетельства боевых действий, позволяющие контактировать с реальностью прошлого, формировать представление о нем на основе личного опыта человека.

Согласно проведенному в 2015 г. социологическому опросу [3], более половины респондентов возраста 18–39 лет не имеют в семье реликвий военных лет. Опрошенные, в чьих семьях военные реликвии сохранились, в большинстве своем называют награды, погоны и фотографии. Реликвии другого характера – личные и бытовые вещи (котелки, кружки, портсигары, каски, плащ-палатки, ремни) – сохранились не у многих [4].

Государственные музеи начали собирать реликвии Великой Отечественной войны еще до ее завершения [5]. Это были письма и почетные грамоты, пробитые пулями комсомольские билеты, захваченное оружие и снаряжение врага. За прошедшие 75 лет создано множество государственных военных музеев, в которых представлены разнообразные реликвии войны, они составляют часть музейного фонда Российской Федерации и являются признанным культурным наследием.

Однако, на наш взгляд, существует пласт артефактов, не вошедших в государственный музейный фонд, но тем не менее доступных обществу и являющихся ценнейшими свидетельствами Великой Отечественной войны и частью культурного наследия. Это предметы, оставшиеся после боев на местах сражений и обнаруживаемые участниками поисковых отрядов.

Поисковое движение, цель которого – поиск погибших и захороненных воинов Красной армии и солдат других стран, существует в нашей стране уже многие десятилетия. Начинаясь как деятельность разрозненных групп энтузиастов дело поиска и захоронения погибших солдат в конце 1980-х гг. было признано государством и по сей день продолжает развиваться [6]. Сделано очень много: созданы мемориалы, погребены десятки тысяч солдат, не имевших могил. За годы работы поисковиками на полях сражений обнаружено великое множество разнообразных предметов, использовавшихся бойцами или несущих на себе следы войны. На основе таких находок нередко создаются общественные военные музеи. Это важный предметный мир, который необходимо изучать в том числе с научной точки зрения.

Для того чтобы дать научное определение находкам поисковиков как предметам музейного значения, следует рассмотреть их с позиций философии, аксиологии, музеологии, культурологии и археологии. Предметы, которые находят поисковики, – это вещи, по разным причинам оставшиеся на полях сражений, поэтому логично оценивать их потенциал через призму концепции «философии вещи в культуре». В науке существует множество взглядов на место вещи в пространстве культуры, данным вопросом занимаются философы, историки, культурологи, музейведы и представители других гуманитарных наук.

Вещи часто рассматриваются как материальное отражение духовной культуры, как одна из систем координат общества. Советский историк Г.С. Кнабе писал: «Предметы бытового обихода всегда обладали знаковым содержанием и потому характеризовали социокультурную принадлежность человека, ими пользовавшегося. Тога так же представляла комплекс духовных и социально-правовых характеристик римского гражданина, как зипун – мир и положение русского крестьянина XIX в.» [7, с. 30].

Рассматривая вещь с позиции философии культуры, А.А. Селиверстова приходит к выводу, что она, помимо тела (формы, оболочки), имеет и внутреннее содержание – телесность – соединение в ней двух начал: материального и духовного. Материя, проходя через человеческую деятельность, в зависимости от степени важности вложенных в нее идей, символов, ценностного начала приобретает статус культурной вещи, вещи значимой, ценной. Вещь может помочь понять как отдельную личность, так и целую историческую и культурную эпоху [8]. Значит, любая вещь в момент создания или бытования так или иначе вбирает в себя характеристики своей эпохи, своего культурного мира. Вместе с тем А.А. Селиверстова уточняет, что «телесность», или одухотворенность, вещи всегда носит субъективный характер. Можно сделать вывод, что способность вещи представлять культурные и духовные явления зависит от того, какие вопросы этой вещи задает общество.

По мнению Л.М. Шляхтиной, «музей как социокультурный институт документирует прежде всего общественные процессы и явления в их историческом развитии и поэтому призван собирать, хранить и использовать “свидетельства этих процессов и явлений”. Именно значимость предмета, существующего в сфере бытования, определяет его ценность для музея, и такой предмет называется предметом музейного значения» [9, с. 16].

Однако что определяет значимость предмета? Его древность, редкость и исключительность или, наоборот, типичность – способность представлять род или класс подобных вещей, а также мемориальность, т. е. принадлежность к какому-либо выдающемуся деятелю истории. Философ М.Н. Эпштейн считает, что вещи могут обладать и «лирической ценностью, зависящей от степени пережитости и осмысленности вещи, от того, насколько освоена она в духовном опыте

владельца» [10, с. 305]. А если владельцем вещи был не известный человек, но духовный опыт его неординарен и интересен для сегодняшнего дня?

Развивая идею «культурной биографии вещей», американский исследователь И. Копытофф приходит к выводу, что биография вещи напрямую отражает социокультурную специфику общества, в котором проходит ее бытование [11]. Иногда установить культурную биографию предмета целиком невозможно, но можно выявить четкую связь с историческими событиями. Такая связь обуславливает мемориальное значение предмета. Это можно отнести и к предметам, обнаруживаемым на местах сражений, чья связь с военными событиями безусловна. Например, пробитая осколком кружка, обнаруженная в полосе наступления Красной армии в районе Мги, своей культурной биографией выделяется из категории эмалированной посуды второй четверти XX в. и становится предметом с мемориальным значением. В этом повседневном уничтоженном осколком снаряда предмете отражается кусочек судьбы человека – неизвестного солдата РККА, защищавшего Ленинград.

Французский философ Ж. Бодрийяр в работе «Система вещей» выразил идею, что в расположении мебели точно проявляются семейные и социальные структуры эпохи [12, с. 290]. Однако так же, как и бытовая домашняя обстановка, историческую реальность может отражать и совокупность вещей, брошенных на поле сражения в результате боя. В качестве примера можно привести обнаруженную в Синявино позицию советской противотанковой пушки, уничтоженной, вероятно, немецким реактивным минометом. Бои происходили в начале зимы 1943 г. (операция «Искра»). Артиллерийская позиция находилась на льду торфяного карьера. Когда бои прошли и лед растаял, все, оставленное на нем, ушло под воду и оказалось законсервированным в торфе. Под водой были обнаружены многочисленные гильзы от советского противотанкового орудия, разбитые осколками каски и оторванная взрывом станина советской пушки. Довершали картину осколки и детали от двигателей немецких реактивных снарядов. Все эти обнаруженные вместе предметы, на наш взгляд, также составляют «систему вещей», красноречиво отражающую драматические события, развернувшиеся в Синявино в январе 1943 г.

Не менее важной представляется вещь и в контексте повседневности. Французский историк Ф. Бродель в масштабной работе «Структуры повседневности» утверждал: «Материальная жизнь – это люди и вещи, вещи и люди» [13, с. 41]. Рассматривая точки зрения ученых на роль предметов и вещей в повседневной жизни общества, отечественный исследователь Н.В. Чиркова приходит к выводу, что «повседневная жизнь человека теснейшим образом связана с различными вещами и предметами, которые воздействуют на наше сознание, влияют на принятие решений, определяют наше поведение, а также формируют ход большой социальной истории» [14]. Соглашаясь с таким выводом, заметим, что здесь можно найти и обратную последовательность – повседневные предметы могут быть отражением принимаемых людьми решений, их поведения, являться свидетельством большой социальной истории. Разумеется, такой подход применим и к повседневным предметам, окружавшим человека Великой Отечественной войны, в большом количестве оставшимся на полях сражений.

Как уже отмечалось, отбор и выделение предметов, важных для сохранения памяти о войне, начался еще до ее завершения. Музеи стремились увековечить память отгремевших событий, но тогда их в первую очередь интересовали вещи, выделяющиеся из общего ряда, – свидетельства подвигов, самопожертвования, вещи, принадлежавшие героям. Например, личные вещи Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной [15, с. 5] или, наоборот, красноречивые свидетельства зверств врага [16, с. 2].

Подготовленное Народным комиссариатом просвещения РСФСР в 1942 г. Руководство по собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны выделяет следующие категории подлежащих музейному собиранию вещественных документов: «трофейные вещи и техника противника; оружие и орудия, применявшиеся врагом для казней и пыток; художественные и культурные ценности, поврежденные захватчиками; памятные вещи из вооружения и обмундирования героев нашей армии и партизанского движения; образцы вооружения и предметы быта партизан; вещи и части одежды жертв немецкого террора» [17, с. 9]. Таким образом, можно отметить, что современники военных событий, безусловно осознавая необходимость сбора вещественных свидетельств войны, отбирали только значимые предметы, отражавшие скорее экстраординарные моменты, чем повседневность. Историк О.Г. Жукова называет своеобразным парадоксом времени то, что только по прошествии лет становится очевидным: самое великое и героическое заключалось в том, что в годы войны казалось простым, обыденным, естественным, само собой разумеющимся и не заслуживающим внимания [18].

В то же время не подлежит сомнению, что подавляющее большинство связанных с войной предметов после завершения боев надолго утратили актуальность для общества. Это неудивительно, война была недавней повседневностью для подавляющего большинства советских людей.

Вещи, составлявшие ее предметный мир, рассматривались с утилитарно-функциональной точки зрения, и с окончанием войны эта функциональность для них была утрачена. Особенно это касалось предметов, потерянных на обширных полях сражений. Оставшиеся на поле боя техника, оружие, снаряжение были неинтересны армии. Развитие вооружения и техники шло семимильными шагами, военные образцы морально устаревали, к тому же пролежавшее несколько лет в неблагоприятных условиях оружие уже не могло отвечать стандартам хранившегося на военных складах. Пробитые осколками фляжки и котелки стали военным мусором. Личные вещи погибших солдат, оставшиеся лежать с хозяевами в траншеях и воронках, не были для современников чем-то из ряда вон выходящим. Жители мест, где прошла война, настолько привыкли к соседству с ее следами, что относились к ним как к части загородного пейзажа. Поисковики, детьми попавшие на территории Волховского фронта в начале 1960-х гг., вспоминают, что местные жители и дачники в большинстве своем безразлично относились к раскиданным в округе погибшим солдатам и их личным вещам, зачастую содержащим информацию о владельцах [19, с. 85; 20, с. 150]. Тем не менее чем дальше в историю уходили военные события, тем больший круг их вещественных свидетельств начинал интересоваться общество. Как мы отмечали в предыдущем исследовании, с середины 1960-х гг. в СССР широкое распространение получила практика походов по местам сражений и создания общественных военных музеев, в том числе на основе собранных в походах реликвий [21]. С распадом СССР, однако, эта музейная сеть почти целиком канула в Лету.

Сейчас мировое музейное сообщество все чаще обращается к теме повседневности на войне. Отечественный музеолог И.А. Гринько, анализируя экспозиции отечественных и зарубежных военных музеев, замечает, что представление войны через историю сражений, подвигов и парадов превалирует в музейном пространстве над страшной и тяжелой военной повседневностью, из которой на 99 % состоит любая война. Однако, как замечает автор, «в последнее время на волне развития истории повседневности музейные экспозиции начали уделять больше внимания этому аспекту военной жизни. Это повлекло за собой изменение тематики экспозиций и выставок. Наряду с оружием и наградами в витринах появляются котелки, расчески, полевые библии и даже косметические принадлежности» [22, с. 23]. По мнению исследователя, важным в раскрытии темы войны выступает смещение акцента в сторону изучения человеческих судеб.

Таким образом, можно заключить, что интерес общества все больше фокусируется на повседневных, рутинных вещах войны, которые ранее интересовали его в значительно меньшей степени, чем экстраординарные объекты. Английский социолог М. Томпсон указывает на социальные причины трансформации статуса вещей на протяжении их жизненного цикла. Он утверждает, что предметы проходят три жизненных этапа: практическое использование, девальвация, антикваризация. Каждый из них представляет собой социально санкционированный способ восприятия и оценивания [23, р. 6–33].

На примере предметов антиквариата рассматривает концепцию жизненных циклов вещи Л.Л. Шпаковская. Анализируя биографию предметов быта конца XIX – начала XX в., социолог также выделяет период девальвации, когда старые вещи, некогда функциональные или эстетичные, теряют популярность и превращаются в немодные, нефункциональные, некрасивые. Чтобы они вновь обрели ценность, должны появиться высокостатусные группы, заинтересованные в использовании их «по-новому». При новом употреблении прежние функции трансформируются. Утилитарные функции, которые ранее были основными, отходят на второй план, а иногда вовсе теряют значение, уступая перед эстетикой. В то же время эстетическая функция трансформируется. Те же самые предметы начинают обозначать принадлежность к иным группам и социальным слоям, отражать время через исторические или биографические события, к которым они были причастны, и благодаря этому становятся новыми символами [24, с. 74].

На наш взгляд, выделенные этапы бытования, девальвации и антикваризации можно применить и к предметам истории Великой Отечественной войны, проходившим через эти трансформации во второй половине XX в., превращавшимся из валяющегося под ногами мусора в ценные свидетельства важнейших событий.

Отечественный музеолог А.Н. Балаш, рассматривая взгляды философов на смысл вещи как культурного явления, приходит к выводу, что «процесс переосмысления и ценностной реабилитации вещи как предмета музейного значения не столько зависит от воли узкой группы, сколько обусловлен объективными закономерностями культуры, механизмами преемственности и памяти» [25, с. 22]. Соглашаясь с приведенной точкой зрения, можно отметить, что артефакты, обнаруженные на местах сражений, следует отнести к предметам музейного значения как имеющие непосредственное отношение к важным историческим событиям Великой Отечественной войны.

С точки зрения культурологии и музеологии предметы музейного значения можно рассматривать как часть культурного наследия. Само по себе понятие «культурное наследие», несмотря

на широкое применение, нельзя назвать однозначным. Сейчас среди большинства исследователей принята дефиниция, данная в 1972 г. в Конвенции ЮНЕСКО по защите всемирного культурного наследия. В соответствии со ст. 1 этого документа к культурному наследию относятся памятники, здания и объекты, созданные природой и человеком и имеющие ценность с точки зрения искусства или науки. Е.Н. Мастеница считает это толкование «справедливым для определения внутреннего состава наследия и применимым в утилитарных целях, но не отражающим его роль и место в современном мире» [26, с. 252].

Российская музейная энциклопедия дает культурному и природному наследию следующую трактовку: «совокупность объектов культуры и природы, отражающих этапы развития общества и природы и осознаваемых социумом как ценности, подлежащие сохранению и актуализации» [27].

В энциклопедическом словаре культурологии К.М. Хоруженко культурно-историческое наследие характеризуется как «одна из форм закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества. К культурному наследию исследователь относит язык, идеалы, традиции, обряды, обычаи, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и ремесла; произведения искусства, музейные, архивные и библиотечные фонды, коллекции, рукописи, письма, личные архивы; памятники архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого» [28, с. 65].

Отечественные ученые продолжают широкую разработку понятия «культурное наследие», приводя свои варианты его трактовки. Для выбора наиболее подходящего определения проанализируем некоторые из них. Исследователь А.А. Копсергенова рассматривает культурное наследие как совокупность всех культурных достижений общества, его исторический опыт, сохраненный в арсенале социальной памяти. «Сущность культурного наследия составляют те ценности, которые созданы предыдущими поколениями, представляют исключительную важность для сохранения культурного генофонда и способствуют дальнейшему культурному прогрессу» [29, с. 9]. П.В. Боярский также формулирует дефиницию анализируемой категории: «совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития человеческого общества в системе биосферы» [30, с. 41]. Изучая существующие в науке точки зрения, Д.С. Добрынин приходит к выводу, что «культурное наследие – термин, употребляемый в истории культуры и культурологии для обозначения совокупности всех культурных достижений (материальных и духовных) данного общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти. Культурное наследие обладает непреходящей ценностью, поскольку к нему относятся достижения различной давности, переходящие к новым поколениям в новые эпохи» [31, с. 237].

Другой подход к определению сущности культурного наследия основывается на заключенной в нем информации. Академик Д.С. Лихачев обращал внимание на информационно-временную составляющую в качестве базового компонента наследия [32]. С точки зрения Л.А. Климова, важнейшим свойством любого объекта наследия выступает информативность: «Объект, являющийся частью наследия, является хранителем информации, которая путем ряда процедур может быть из него извлечена». При этом отмечается, что «акт сохранения обеспечивает не столько сохранность самого предмета, сколько сохранение стабильности той системы, в рамках которой этот акт осуществляется» [33, с. 43]. М.Е. Кулешова также отмечает, что «наследие можно рассматривать как информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах, и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям» [34, с. 41].

Интересен и юридический подход к рассматриваемому понятию. А.Н. Панфилов разграничивает культурные ценности и культурное наследие. К основным признакам последнего исследователь относит антропогенность, обладание определенной культурной значимостью (исторической, художественной, научной и др.) и аутентичность [35, с. 301].

Новые подходы к понятию «культурное наследие» выделяет О.В. Галкова. Среди них: генетический, при котором наследие выступает как носитель исторической памяти, обеспечивающей сохранение самобытности национальной или региональной культуры; экологический, когда наследие служит основой устойчивого развития общества и биосферы; географический, при котором наследие представляет собой базу сохранения культурного и природного разнообразия мира, страны, регионов, этносов, групп населения [36, с. 113].

А.Б. Гулова приходит к выводу, что «при всей вариативности определений понятия “культурное наследие” общим признается его ценностно-смысловой характер наполнения жизни человека в истории (через объекты, события, личности и т. д.)». Исследователь также выделяет основные критерии функционирования культурного наследия в обществе: утилитарные, прагматические, эстетические, этические и познавательные [37].

Проанализировав точки зрения отечественных ученых, можно согласиться с мнением Е.Н. Мастеницы, что «культурное наследие – это нечто ценностное, обладающее информационным потенциалом, необходимым для развития и передачи будущим поколениям, это то, что может рассматриваться как один из важнейших ресурсов, влияющих на дальнейшее развитие общества, страны, региона» [38, с. 338].

На наш взгляд, предметы, оставшиеся на полях сражений, можно отнести к культурному наследию как обладающие информационным потенциалом для раскрытия военной истории. В связи с этим необходимо рассмотреть еще одно, более узкое, культурное понятие «военно-историческое наследие». Если культурное наследие, при всей неоднозначности, является широко изучаемой категорией, то термин «военно-историческое наследие» лишен такого интереса исследователей. Казалось бы, война – постоянный спутник истории человечества, бесчисленные военные конфликты и подготовка к ним породили пласты объектов наследия, существует великое множество музеев, занимающихся сбором, хранением и презентацией военных объектов, однако при этом в литературе термин «военно-историческое наследие» встречается редко.

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт наследия) имеет в составе сектор военно-исторического наследия [39]. Его сотрудник С.А. Рябов формулирует свое определение военно-исторического наследия – «совокупность произведенных в результате материальной и духовной деятельности людей объектов и явлений, свидетельствующих о военных событиях прошлого, а также о развитии военного дела» [40]. С.А. Рябов классифицирует объекты такого наследия: «памятники истории – здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями – войнами, а также развитием военной науки, техники и вооружения, бытом военнослужащих, с жизнью выдающихся военных деятелей, народных героев, создателей образцов вооружения и боевой техники.

Памятники археологии – укрепленные городища, курганы – места захоронения воинов, укрепления, военные рокадные и фронтовые и др.

Памятники градостроительства и архитектуры – сооружения военной архитектуры, городские крепости (форты), природные ландшафты.

Памятники искусства – произведения литературы, живописи и других видов искусства, повествующие о героизме и мужестве защитников Отечества, жизни армии и флота в различные периоды истории Вооруженных сил России.

Документальные памятники – акты органов государственной власти и органов государственного управления, касающиеся организации обороны страны, ведения боевых действий; письменные и графические документы по управлению войсками и фортификации; кинофотодокументы и звукозаписи; рукописи и военные архивы» [41].

Военный исследователь Е.В. Анфалов видит военно-историческое наследие как «передаваемые будущим поколениям наиболее ценные и почитаемые объекты материальной и духовной культуры» [42, с. 245]. Однако эта дефиниция не определяет военную составляющую понятия и ее можно отнести к культурному наследию в целом.

Созданное указом президента Российской Федерации в 2012 г. Российское Военно-историческое общество в уставе рассматривает военно-историческое наследие России как часть культурного наследия и относит к нему архивные, музейные и библиотечные фонды, касающиеся военно-исторической тематики [43]. Также среди задач по сохранению военно-исторического наследия в уставе выделены военно-археологическая и поисковая деятельность, восстановление и реставрация артефактов [44].

Доктор исторических наук Т.Ю. Юренева применяет понятие «военно-историческое наследие» к военной униформе, мемориальным предметам, вооружению и артиллерии, представленным в музеях города Плевна [45, с. 102]. Используя такой подход на примере Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., автор отмечает коллекции предметов и реликвий, найденных на полях сражений и в братских могилах: фрагменты сапог и униформ, пули, гильзы, гранаты, пробитые пулями котелки, литые иконы, нательные кресты и другие личные вещи русских воинов. Т.Ю. Юренева соглашается с болгарскими исследователями Н. Аспаруховой и Т. Дичевой в том, что «значимость этой коллекции не в художественных достоинствах составляющих ее предметов и тем более не в их уникальности, ведь подобного рода изделия хранятся в музеях и частных коллекциях многих стран. Ценность этих крестов, икон и алтарей... в том, что контекст их открытия и сохранения в Болгарии уникален. Реликвии представляют культурно-историческое наследие Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и поддерживают живой историческую память поколений о драматических событиях, которые принесли свободу Болгарии после пятивекового турецкого ига» [46, с. 104].

Тему военного наследия как комплекса объектов, хранящих память о событиях военной истории и их участниках, поднимает историк В.А. Рубин. Однако он ограничивает данную проблематику архитектурными и скульптурными сооружениями с прахом военнослужащих или без него,

установленными в целях сохранения памяти о событиях и участниках военной истории. При этом исследователь также относит военно-мемориальное наследие к части культурного наследия страны [47, с. 86].

Н.Н. Смолин определяет сохранение наследия военного прошлого как ведущую цель деятельности военно-исторических музеев, что подразумевает экспонирование предметов военного быта, которые помогают составить наглядное представление о минувшей эпохе [48, с. 134].

Как и в российской науке, в Европе термин «военно-историческое наследие» (Military Heritage) проистекает из понятия культурного наследия (Cultural Heritage) и неразрывно связан с ним. Так, например, шведский историк П. Стормберг, изучая сохранившиеся объекты холодной войны, объясняет их ценность исходя из категории «культурное наследие», которую он распространяет на брошенные военные объекты – бункеры, казармы и ракетные шахты. Говоря о необходимости исследования и сохранения этого наследия, а также организации к нему доступа туристов, он акцентирует внимание в первую очередь на общеисторическом значении этих объектов [49]. Польский исследователь Л. Клупс также определяет военно-историческое наследие как часть культурного наследия, связанную с событиями военной истории. Среди объектов Military Heritage она выделяет «места наследия»: фортификационные сооружения, военные заводы, арсеналы, гавани, казармы, военные и военно-морские базы, испытательные полигоны и другие постройки, созданные или использованные в военных целях, ландшафты, включая поле боя, оборонительные сооружения, военные памятники, трофеи, кладбища, кенотафы, а также нематериальное военное наследие – музыку, солдатские песни и военные традиции [50]. Другой польский ученый – археолог Д. Кобылка – напрямую называет предметы, оставшиеся на полях сражений, военно-историческим наследием [51].

Проанализировав точки зрения отечественных и зарубежных ученых, можно заключить, что военно-историческое наследие является составной частью культурного наследия, так или иначе отражающей военную историю человечества, региона или территории. Таким образом, к военно-историческому наследию можно отнести материальные объекты – архитектурные и инженерные сооружения, военную униформу, вооружение, технику, документы, предметы военного быта, археологические памятники военной истории; ландшафты – поля сражений, линии оборонительных сооружений, места расположения войск, воинские захоронения; памятники – военные мемориалы, кладбища, военные музеи и воинские традиции.

Если брать за основу данное определение военно-исторического наследия, то предметы, оставшиеся на полях сражений Второй мировой войны, безусловно, можно охарактеризовать этим понятием как отражающие военную историю. Они относятся ко многим из указанных категорий военно-исторического наследия и обладают важным информационным потенциалом.

Еще одним значимым термином, требующим определения для научного исследования предметов, оставшихся на полях сражений Великой Отечественной войны, является «военная археология». События, а соответственно, и сохранившиеся следы этой войны относятся к XX в. Российская археологическая наука характеризует данный культурный слой как современный, который не рассматривается как сфера интересов археологов [52, с. 12]. Однако анализ ископаемых материальных следов войн XX в. за пределами классической археологии – объективно существующее явление. В последние годы для обозначения деятельности по изучению полей сражений войн XX в., к которым, безусловно, относится и Вторая мировая, широко используется понятие «военная археология», но в российской науке оно почти не конкретизировано. В России с 2009 г. издается журнал «Военная археология», посвященный широкому кругу вопросов, связанных с поисковой деятельностью. В самом первом номере этого издания историк Е.Н. Боле выражала сожаление по поводу того, что «термин “военная археология” пока лишен какого то ни было научного значения» [53, с. 13]. Сейчас, спустя более чем 10 лет, это утверждение по-прежнему актуально.

Советская военная энциклопедия трактует военную археологию как «часть общей археологии, изучающую по вещественным источникам деятельность людей в области военного дела в прошлом» [54, с. 261]. Однако в нашем случае данное определение слишком широко и его нельзя назвать подходящим. С этой точки зрения о понятиях «поисковое движение» и «военная археология» размышляет В.Н. Бубличенко. Он указывает, что «существует устоявшаяся точка зрения на поисковое движение как часть военной археологии» [55, с. 12]. При этом исследователь говорит о различии методик, применяемых в данных областях, и предлагает рассматривать поисковое движение как «одну из вспомогательных исторических дисциплин с узким предметом исследования» [56, с. 11]. А.В. Гафуров и Т.С. Кутявин считают, что «военная археология еще не оформилась в виде полноценной науки из-за не до конца сформированной методологии. Но отмечают, что у нее есть свои методы и она приносит весьма полезные для истории сведения и материалы» [57, с. 158]. П.И. Тихонов среди основных аспектов военной археологии, помимо

практических задач по поиску погибших, выделяет консервацию и реставрацию найденных военных реликвий и анализ обнаруженного археологического материала с последующей попыткой исторической реконструкции [58]. Одно из немногих определений военной археологии дает Д.В. Садовников. По его мнению, военная археология – это «специальная научная дисциплина, призванная исследовать военное наследие, материальные следы вооруженных конфликтов индустриальной эпохи» [59, с. 52].

Как и в России, за рубежом существует понятие «военная археология» применительно к раскопкам на местах военных конфликтов XX в. Однако у исследователей также нет единого мнения относительно методов и задач военной археологии. В англоязычной литературе одновременно применяются три термина, которые можно ассоциировать с военной археологией: *Military Archaeology* – военная археология, *Conflict Archaeology* – археология конфликта и *Battlefield Archaeology* – археология поля боя. С 2005 г. в Великобритании выходит журнал *Journal of Conflict Archaeology*, посвященный военной археологии. В передовой статье первого номера издателя Т. Поллард и И. Бэнкс приводят варианты термина *Battlefield Archaeology* и *Military Archaeology*, но сетуют на то, что этим областям знания тяжело добиваться признания у официальной археологии [60]. На тему сочетания обозначенных англоязычных категорий размышляет голландский ученый Й. Вийнен, который приходит к выводу, что именно археология поля боя (*Battlefield Archaeology*) относится к непосредственной работе по анализу и накоплению военно-исторического наследия [61]. Английский исследователь Н. Сандерс определяет военную археологию современных конфликтов не только как раскопки на местах сражений, но и комплексное изучение предметного мира войны в целях выяснения его внутренних связей и антропологического значения [62, р. 2].

Понимая, что применение термина «археология» в данной коннотации может вызвать оправданную критику со стороны археологического сообщества, считаем необходимым оговориться, что «военная археология» – это отдельная дисциплина, не являющаяся частью археологической науки. При некоторых сходствах методы военной археологии, безусловно, отличаются от методики классического археологического исследования. Однако ввиду широкого, как показано ранее, применения этого понятия по отношению к работе поисковиков военную археологию можно рассматривать как формирующуюся узкоспециализированную научную дисциплину, анализирующую материальные следы конфликтов XX в. и тесно связанную с деятельностью поискового движения.

В литературе отмечается большое значение предметов, найденных поисковиками, но какой-либо единый термин, обозначающий эти ценные с военно-исторической точки зрения предметы, нам обнаружить не удалось. Для обозначения найденных в ходе поисковых экспедиций предметов используются понятия «артефакты», «военные реликвии», «предметы военного времени» [63]. В зарубежной литературе также выделяется категория объектов военной археологии. Например, голландский исследователь Дж. ван дер Шрик относит к материальным свидетельствам войны (*Material Remains of the War*) находящиеся в земле оружие, амуницию, инструменты, личные вещи, обломки авиационной и наземной техники, а также элементы измененного человеком ландшафта – траншеи, бетонные бункеры, воронки и противотанковые рвы [64, р. 229].

Основываясь на анализе отечественной и зарубежной литературы, а также личном опыте поисковой деятельности предлагаем следующее определение предмета военной археологии (индустриальной эпохи): к предметам военной археологии относятся вооружение, снаряжения, амуниция, документы, предметы быта, окопного творчества, личные вещи солдат, военная техника и ее детали, фронтовые укрытия и их детали, объекты природного мира, несущие на себе следы боевых действий, по тем или иным причинам оставленные на полях сражений XX в. и находившиеся там до момента обнаружения поисковиками.

Артефакты, обнаруживаемые на полях сражений, или предметы военной археологии, являются прямыми свидетельствами важнейших исторических событий и представляют предметный мир человека войны. Эти вещи позволяют с новой для современников стороны взглянуть на военную реальность и увидеть за предметами человека и его опыт переживания событий крупнейшей войны в мировой истории, оставившей в земле так много свидетельств. Изучение, сохранение и интерпретация таких предметов как значимой составляющей историко-культурного и военно-исторического наследия важны для государства и народа Российской Федерации – страны с богатым военным прошлым.

Список источников:

1. Старых Н.П. Средства массовой информации как источник формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 148–152.
2. Проказина Н.В. Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне // Казанская наука. 2014. № 7. С. 201–204.

3. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // *CredoNew*. 2015. № 4. С. 13.
4. Там же.
5. Врочинская К.А., Комарова М.Ф. Работа музеев РСФСР в условиях военного времени. М., 1942. 24 с.; Кантор Ю.З. Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941–1945 гг. // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 17, № 3 (142). С. 8–22; Шишкин А.А., Добротворский Н.П. Государственный мемориальный музей обороны и блокады // *История Петербурга*. 2004. № 1 (17). С. 72–78.
6. Боле Е.Н. Историческое значение поискового движения России // *Военная археология*. 2009. № 1 (1). С. 12–21.
7. Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // *Вопросы философии*. 1989. № 5. С. 30–53.
8. Селиверстова А.А. Вещь как объект культуры: взаимосвязь понятий «вещь» и «телесность» в философии культуры // *Манускрипт*. 2017. № 6-1 (80). С. 148–149.
9. Шляхтина Л.М., Фокин С.В. Основы музейного дела. СПб., 2000. 158 с.
10. Эпштейн М.Н. Вещь и слово. О лирическом музее // *Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX вв.* М., 1988. С. 304–333.
11. Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // *Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна*. М., 2006. С. 134–169.
12. Филяев С.Е. Дискурс Ж. Бодрийяра о функциональности вещи в культуре // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2009. Т. 15, № 3. С. 288–292.
13. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. 622 с.
14. Чиркова Н.В. Вещи и предметы быта в контексте культуры повседневности // *Концепт*. 2016. № S14. С. 46–50.
15. Комарова М.Ф. О работе музеев в дни Великой Отечественной войны. М., 1943. 36 с.
16. Там же. С. 2.
17. Коробков Н.М. Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны (для музеев и краеведческих организаций). М., 1942. 28 с.
18. Жукова О.Г. Великая Отечественная война: парадоксы повседневности // *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*. 2014. № 2. С. 2.
19. Алексеев О.Б. Пока не будет захоронен последний солдат // *Простите нас солдаты...: сборник очерков о работе молодежных поисковых отрядов Санкт-Петербурга*. СПб., 2012. С. 85–88.
20. Чупров А.В. В тиши синявинских болот // *Там же*. С. 151–171.
21. Пянкевич А.В. Развитие поискового движения в России (вторая половина XX – начало XXI в.) // *Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 1. С. 169–173.
22. Гринько И.А. «Нам необходимо услышать этих солдат...» // *Музей*. 2014. № 8. С. 22–28.
23. Thompson M. *Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value*. Oxford; N. Y., 1979. 228 p.
24. Шпаковская Л.Л. Общественная ценность антиквариата // *Социологический журнал*. 2000. № 1–2. С. 70–84.
25. Балаш А.Н. Вещь в музее: размышления о судьбе «предмета музейного значения» // *Вопросы музеологии*. 2013. № 1. С. 19–24.
26. Мастеница Е.Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2008. Т. 180. С. 252–262.
27. Культурное и природное наследие [Электронный ресурс] // *Российская музейная энциклопедия*. 2002. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?85> (дата обращения: 28.05.2021).
28. Хоруженко К.М. *Музеология: энциклопедический словарь*. Ростов н/Д., 1997. 639 с.
29. Копсергенова А.А. *Культурное наследие: философские аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Ставрополь, 2008. 22 с.
30. Боярский П.В. *Введение в памятниковедение*. М., 1990. 218 с.
31. Добрынин Д.С. Понятие «культурное наследие» в гуманитарной науке // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. № 6-1. С. 236–239.
32. Лихачев Д.С. Декларация прав культуры [Электронный ресурс] // *Площадь Лихачева: научный сайт*. 2006–2021. URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123> (дата обращения: 28.05.2021).
33. Климов Л.А. Культурное наследие как система // *Вопросы музеологии*. 2011. № 1. С. 42–46.
34. Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // *Уникальные территории в культурном и природном наследии: сборник научных трудов*. М., 1994. С. 7–50.
35. Панфилов А.Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий. Ч. 1 // *Право и политика*. 2011. № 2. С. 293–305.
36. Галкова О.В. Теоретические основы культурного наследия // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3 (15). С. 110–114.
37. Гулова А.Б., Сидорова Н.В. Проблема актуализации культурного наследия // *Огарёв-Online*. 2016. № 11 (76). С. 2.
38. Мастеница Е.Н. Деятельность по сохранению и использованию культурного наследия: основания и смыслы // *Основы культурологии: учебное пособие / под ред. И.М. Быховской*. М., 2005. С. 337–361.
39. Мозговой С.А. Изучение военно-исторического и морского наследия в Институте наследия // *Журнал Института наследия*. 2017. № 3. С. 2.
40. Рябов С.А. Некоторые подходы к выявлению объектов военно-исторического наследия [Электронный ресурс] // *Энциклопедия Козельска: народный проект*. 2011. URL: <http://www.kozelskycyclopedia.ru/2011-04-26-08-17-54/125-18> (дата обращения: 28.05.2021).
41. Там же.
42. Анфалов Е.В. Необходимость изучения военно-исторического наследия Российской армии как условие формирования рефлексивно-прогностической готовности курсанта военного вуза // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 244–247.
43. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29 дек. 2012 г. № 1710 // *Официальный сайт Президента России*. 2012. 29 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36611> (дата обращения: 28.05.2021).
44. Устав Российского военно-исторического общества [Электронный ресурс]: в ред. от 1 февр. 2018 г. // *Официальный сайт Российского военно-исторического общества*. 2021. URL: <https://rvio.histrf.ru/officially/ustav-rvio> (дата обращения: 28.05.2021).
45. Юренева Т.Ю. Военно-историческое наследие России в музеях Плевена // *Культурное наследие России*. 2017. № 3. С. 100–105.

46. Там же. С. 104.
47. Рубин В.А., Спиридонова Е.В. Феномен военно-мемориального наследия в отечественной культуре: основные этапы эволюции понятийно-терминологического аппарата // Философская мысль. 2018. № 3. С. 84–97.
48. Смолин Н.Н. Коллекция предметов военной форменной одежды первой четверти XIX в. в собрании Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника // Бородинское поле: музей и памятник: к 165-летию основания Бородинского музея-заповедника : сборник. М., 2005. С. 134–157.
49. Strömberg P. Swedish Military Bases of the Cold War: The Making of a New Cultural Heritage // Culture Unbound. 2010. Vol. 2. P. 635–663. <https://doi.org/10.3384/cu.2000.1525.10236635>.
50. Klupsz L. The Spirit of the Military Heritage Places [Электронный ресурс] // ICOMOS Open Archive. 2008. URL: <http://openarchive.icomos.org/id/eprint/136/1/77-WhFG-13.pdf> (дата обращения: 28.05.2021).
51. Kobialka D. Military Heritage in the Trenches Woodlands and Trash Called Trench Art in the Shadow of the Great War [Электронный ресурс] // PopAnth – Hot Buttered Humanity. 2017. June 29. URL: <https://popanth.com/article/military-heritage-in-the-trenches-woodlands-and-trash-called-trench-art-in-the-shadow-of-the-great-war> (дата обращения: 28.05.2021).
52. Мартынов А.И. Археология : учебник. 5-е изд., перераб. М., 2005. 447 с.
53. Боле Е.Н. Указ. соч. С. 13.
54. Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М., 1976. 637 с.
55. Бубличенко В.Н. К вопросу о научной обоснованности поискового движения // Государство и общество в увековечении памяти защитников Отечества: опыт, проблемы, перспективы : материалы Межрегионального научно-практического семинара-совещания. Сыктывкар, 2007. С. 10–15.
56. Там же. С. 11.
57. Гафуров А.В., Кутявин Т.С. Поисковое движение в изучении быта солдат Красной армии // Поисковое движение как форма изучения событий Великой Отечественной войны : материалы всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2005. С. 157–160.
58. Тихонов П.И. Поиск как военная археология // Методические рекомендации по военной археологии (по поисковой работе на местах боев Великой Отечественной войны). М., 2009. С. 35–36.
59. Садовников Д.В. Поисковая работа и проблемы формирования военной археологии индустриальной эпохи // Материалы Международного семинара по вопросам увековечения памяти защитников Отечества. 1812, 1941–1945 гг. : доклады, сообщения, методические разработки. Тула, 2014. С. 41–66.
60. Pollard T., Banks I. Why a Journal of Conflict Archaeology and Why Now? // Journal of Conflict Archaeology. 2005. No. 1. P. III–VIII. <https://doi.org/10.1163/157407705774929024>.
61. Wijnen J.A.T. Conflictarcheologie versus Slagveldarcheologie // Archeobrief. 2015. Vol. 19, nr 2. P. 2–6.
62. Saunders N.J. Killing Time. Archaeology and the First World War. Cheltenham, 2010. 288 p.
63. Варшавский Д.И. Использование результатов военной археологии в качестве источника при исследовании быта военнослужащих Красной армии // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. С. 99–108 ; Гафуров А.В., Кутявин Т.С. Указ. соч. С. 158 ; Тихонов П.И. Указ. соч.
64. Schriek J., Schriek M. Metal Detecting: Friend or Foe of Conflict Archaeology? Investigation, Preservation and Destruction on WWII sites in The Netherlands // Journal of Community Archaeology and Heritage. 2014. Vol. 1. P. 228–244. <https://doi.org/10.1179/2051819614Z.00000000020>.

Информация об авторе

А.В. Пянкевич – старший преподаватель кафедры истории и петербурговедения Санкт-Петербургского государственного института культуры, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

A.V. Pyankevich – Senior Lecturer, History Department, Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.04.2021;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.05.2021;
 Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.